

Анна Франк

УБЕЖИЩЕ

Дневник в письмах

...nd (Dum!)
... 1944.
Lieve Litty,
Ik geloof die vooruitgang niet, maar
ik merk na het lezen van dit boek dat ik ver-
andert ben. Misschien heb ik het daarom
ik meer van Peter en het heel te overdrijven
ook al toen wij hier nog maar een half jaar waren,
in plaats van anderhalf. God het wel weten wat
nodig is en goed dat ons is en wij moeten het
beste van ons maken.
Ik zit te denken Litty, maar ik geloof ook dat
als ik hier nog lang blijf, mijn gevoel van leven
in m'n huis weg is. En ik hou zo graag nog
aan echte huiselijke dingen!

Anne Frank.

ТЕКСТ

Анна Франк

Убежище. Дневник в письмах

«WebKniga»

1944

УДК 821.112.5
ББК 63.3(0)62

Франк А.

Убежище. Дневник в письмах / А. Франк — «WebKniga»,
1944

Анна Франк родилась в 1929 году. Она умерла в концлагере, когда ей было 15 лет. Ее дневник, который она вела в Амстердаме, прячась с семьей от нацистов, стал известен всему миру. Анна Франк вела дневник с 12 июня 1942 года до 1 августа 1944-го. Сначала она писала свои письма только для себя самой – до весны 1944-го, когда она услышала по радио «Оранье» (радиостанция нидерландского правительства в эмиграции, вещавшая из Лондона) выступление Болкестейна, министра образования в нидерландском правительстве в эмиграции. Министр сказал, что после войны все свидетельства о страданиях нидерландского народа во время немецкой оккупации должны быть собраны и опубликованы. Для примера, среди других свидетельств, он назвал дневники. Под впечатлением этой речи Анна решила после войны издать книгу, основой которой должен был послужить ее дневник. Она начала переписывать и перерабатывать свой дневник, вносила исправления, вычеркивала отрывки, которые казались ей не очень интересными, и по памяти добавляла другие. Одновременно она продолжала вести и первоначальный дневник, который в научном издании 1986 года называется версией «а», в отличие от версии «б» – переработанного, второго дневника. Последняя запись Анны датирована 1 августа 1944 г. 4 августа восьмерых прятавшихся людей арестовала Зеленая полиция. В этом издании публикуется полный текст дневника, одобренный Фондом Анны Франк в Базеле.

УДК 821.112.5
ББК 63.3(0)62

© Франк А., 1944
© WebKniga, 1944

Содержание

История этой книги	7
Дневник Анны Франк	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Анна Франк

Убежище. Дневник в письмах

© 1947 by Otto H.Frank, renewed 1974

© 1982, 1991, 2001 by The Anne Frank-Fonds, Basel, Switzerland

© «Текст», издание на русском языке, 2015

* * *

История этой книги

Анна Франк вела дневник с 12 июня 1942 года до 1 августа 1944-го. Сначала она писала свои письма только для себя самой – до весны 1944-го, когда она услышала по радио «Оранже»¹ выступление Болкестейна, министра образования в нидерландском правительстве в эмиграции. Министр сказал, что после войны все свидетельства о страданиях нидерландского народа во время немецкой оккупации должны быть собраны и опубликованы. Для примера, среди других свидетельств, он назвал дневники. Под впечатлением этой речи Анна решила после войны издать книгу, основой которой должен был послужить ее дневник.

Она начала переписывать и перерабатывать свой дневник, вносила исправления, вычеркивала отрывки, которые казались ей не очень интересными, и по памяти добавляла другие. Одновременно она продолжала вести и первоначальный дневник, который в научном издании 1986 года называется версией «а», в отличие от версии «б» – переработанного, второго дневника. Последняя запись Анны датирована 1 августа 1944 г. 4 августа восьмерых прятавшихся людей арестовала Зеленая полиция.

В тот же день Мип Хис и Беп Фоскёйл спрятали записи Анны. Мип Хис хранила их в ящике своего письменного стола, и, когда окончательно выяснилось, что Анны больше нет в живых, она передала дневник, не прочитав его, Отто Х. Франку, отцу Анны.

Отто Франк после долгих размышлений решил выполнить волю покойной дочери и издать ее записи в виде книги. Для этого из обоих дневников Анны – первоначального (версия «а») и переработанного ею самой (версия «б») – он составил сокращенную версию «с». Дневник предполагалось выпустить в серии, причем объем текста был задан издательством.

Книга вышла из печати в 1947 году. Тогда еще не было принято непринужденно касаться сексуальных тем, особенно в книгах, адресованных молодежи. Другая важная причина, по которой в книгу не вошли целые фрагменты и некоторые формулировки, заключалась в том, что Отто Франк не хотел вредить памяти жены и товарищей по заточению в Убежище. Анна Франк вела дневник с тринадцати до пятнадцати лет и выражала в этих записках антипатии и возмущение столь же откровенно, как и симпатии.

Отто Франк скончался в 1980 году. Оригинал дневника своей дочери он официально завещал Государственному институту военных архивов в Амстердаме. Поскольку начиная с пятидесятих годов постоянно возникали сомнения в подлинности дневника, институт подверг все записи тщательному исследованию. Только после того, как их подлинность была установлена без всяких сомнений, дневники вместе с результатами исследований были опубликованы. В ходе исследования проверялись, в частности, родственные отношения, факты, связанные с арестом и депортацией, чернила и бумага, использованные для письма, и почерк Анны Франк. В этом относительно объемном труде собраны также сведения о всех публикациях дневника.

Фонд Анны Франк в Базеле, который в качестве всеобщего наследника Отто Франка унаследовал также авторские права его дочери, решил на основе всех имеющихся текстов предпринять новое издание. Это нисколько не умаляет значение редакторской работы, выполненной Отто Франком, – работы, которая послужила широкому распространению книги и ее политическому звучанию. Новое издание вышло под редакцией писательницы и переводчицы Мирьям Пресслер. При этом издание Отто Франка было использовано без сокращений и лишь дополнено отрывками из версий «а» и «б». Текст, представленный

¹ Радиостанция нидерландского правительства в эмиграции, вещавшая из Лондона. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

Мирьям Пресслер и одобренный Фондом Анны Франк в Базеле, на четверть превышает по объему ранее опубликованную версию и имеет своей целью дать читателю более глубокое представление о внутреннем мире Анны Франк.

В 1998 году были обнаружены пять ранее неизвестных страниц дневника. С разрешения Фонда Анны Франк в Базеле в настоящем издании к существующей записи от 8 февраля 1944 г. добавлен длинный отрывок. В то же время краткий вариант записи от 20 июня 1942 г. в это издание не включен, поскольку в состав дневника уже входит более подробная запись, датированная этим числом. Кроме того, в соответствии с последними находками, изменена датировка: запись от 7 ноября 1942 г. теперь отнесена к 30 октября 1943 г.

Когда Анна Франк писала свою вторую версию («б»), она решила, какие псевдонимы даст тому или иному лицу. Себя она хотела сначала назвать Анной Аулис, потом Анной Робин. Отто Франк не стал использовать эти псевдонимы, а сохранил свою настоящую фамилию, но другие персонажи были названы псевдонимами, как того хотела его дочь. Помощники, которые теперь всем известны, заслуживают того, чтобы их подлинные имена и фамилии также сохранились в книге; имена всех остальных соответствуют научному изданию. В тех случаях, когда человек сам пожелал остаться анонимным, Государственный институт обозначал его произвольно выбранными инициалами.

Вот настоящие имена людей, скрывавшихся вместе с семейством Франк.

Семейство Ван Пелс (из Оснабрюка): Августа (род. 29.9.1890 г.), Герман (род. 31.3.1889 г.), Петер (род. 9.11.1929 г.); Анна назвала их Петронеллой, Гансом и Альфредом Ван Даан, в этом издании – Петронелла, Герман и Петер Ван Даан.

Фриц Пфедфер (род. в 1889 г. в Гисене) и самой Анной, и в этой книге назван Альбертом Дюсселом.

Дневник Анны Франк

12 июня 1942 г.

Надеюсь, я смогу тебе все доверить, как не доверяла еще никому, и надеюсь, что ты будешь для меня большой поддержкой.

28 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Все это время большой поддержкой мне были и ты, и Китти, которой я теперь регулярно пишу. Вести дневник таким образом кажется мне намного приятнее, и теперь я жду не дождусь того часа, когда смогу писать.

Ах, как я рада, что взяла тебя с собой!

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 14 ИЮНЯ 1942 г.

Начну с того, как я тебя получила, то есть как я тебя увидела на столе среди подарков (потому что покупали тебя при мне, но это не в счет).

В пятницу 12 июня я проснулась уже в шесть часов, и это вполне понятно – ведь был мой день рождения. Но нельзя же было встать в шесть утра, поэтому пришлось сдерживать любопытство до без четверти семь. Дольше я не вытерпела, пошла в столовую, где меня встретила Моортъе, наша кошка, и стала ко мне ласкаться.

В начале восьмого я пошла к папе с мамой, а потом в гостиную разворачивать подарки, и самым первым я увидела тебя, наверняка один из самых лучших подарков. Еще был букет, два пиона. Папа и мама подарили мне голубую блузку, настольную игру, бутылку виноградного сока, который, по-моему, отдает вином (вино ведь делают из винограда), головолomку, баночку крема, два с половиной гюльдена и талон на две книги. Потом мне подарили еще одну книгу «Камера Обскура», но такая у Марго уже есть, и я ее сменяла, блюдо домашнего печенья (я, конечно, сама его испекла, потому что я теперь здорово пеку печенье), много сладостей и клубничный торт от мамы. Письмо от бабули пришло день в день, но это, конечно, случайность.

Потом за мной зашла Ханнели, и мы пошли в школу. На перемене я угостила учителей и ребят сливочными печеньями, и потом мы снова должны были заниматься. Я вернулась домой в пять часов, потому что ходила на физкультуру (хотя вообще-то я освобождена из-за того, что у меня вывихиваются руки и ноги) и выбрала для одноклассников игру в честь моего дня рождения – волейбол. Дома уже ждала Санна Ледерман. После физкультуры со мной пошли Ильза Вагнер, Ханнели Хослар и Жаклин ван Маарсен – девочки из нашего класса. Раньше у меня были две самые лучшие подруги, Ханнели и Санна, и кто нас вместе видел, всегда говорил: «Вон идут Анна, Ханна и Санна». С Жаклин ван Маарсен я познакомилась только в Еврейском лицее, и теперь она моя лучшая подруга. Ильза – лучшая подруга Ханнели, а Санна в другой школе, и у нее там свои подруги.

Наш клуб подарил мне замечательную книгу «Голландские предания и легенды», но по ошибке они подарили мне второй том, и поэтому я две другие книги поменяла на первую часть. Тетя Хелена принесла еще одну головолomку, тетя Стефани хорошенькую брошку, а тетя Лени изумительную книгу «Каникулы Дзэи в горах». Сегодня утром я сидела в ванне и думала о том, что было бы великолепно, будь у меня такая собака, как Рин-Тин-Тин². Я бы тоже назвала ее Рин-Тин-Тин, и была она всегда в школе у консьержа, а в хорошую погоду в помещении для велосипедов.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 15 ИЮНЯ 1942 г.

² Кличка собаки в одноименном фильме.

В воскресенье днем праздновали мое рождение. Рин-Тин-Тин пришелся очень по вкусу моим одноклассникам. Мне подарили две брошки, закладку для книг и две книги. Но сначала я расскажу кое-что о классе и о школе и начну с учеников.

Бетти Блумендаал выглядит немного бедной, я думаю, что так оно и есть, она живет на Ян-Класенстраат где-то в западной части города, и никто из нас не знает, где это. Она очень хорошо учится, но только из-за того, что она такая прилежная, потому что теперь уже видно, что ее способности оставляют желать лучшего. Она довольно тихая девочка.

Жаклин ван Маарсен считается моей лучшей подругой, хотя настоящей подруги у меня еще никогда не было. Сначала я думала, что Жак станет ею, но вышло совсем не так.

Д. К. очень нервная девочка, она всегда что-нибудь забывает и получает одну штрафную работу за другой. Она очень добродушная, особенно с Х. З.

Э. С. такая болтушка, что вытерпеть ее просто невозможно. Если она о чем-нибудь спрашивает, то уж обязательно начнет крутить пальцами твои пуговицы или теребить тебе волосы. Говорят, что Э. меня терпеть не может, но меня это нисколько не огорчает, потому что мне она тоже не нравится.

Хенни Метс девочка веселая и милая, но ужасно громко говорит, и когда играет на улице, то ведет себя как маленькая.

Очень жаль, что Хенни дружит с одной девочкой, Беппи, которая на нее очень плохо влияет, потому что эта Беппи ужасно подлая и грязнуля.

Про Й. Р. можно писать сочинения. Й. – хвастунья, сплетница, противная, строит из себя взрослую, коварная, лицемерная. Жалко, что ей удалось прибрать к рукам Жак. Й. плачет по всякому поводу, боится боли и страшная жеманница. Всегда наша юффрау Й. права. Она ужасная богачка, и ее шкаф забит хорошенькими платьицами, но они слишком старомодны. Она воображает себя красавицей, хотя в действительности дело обстоит совсем наоборот. Мы с Й. друг друга просто терпеть не можем.

Ильза Вагнер – веселая и отличная девочка, но чересчур дотошная и может нудить часами. Ильза довольно сильно привязана ко мне. Вообще-то она умница, но лентяйка.

Ханнели Хослар, или Лис, как ее зовут в школе, чудная девочка, обычно такая стеснительная, а дома ужасно грубая. Все, что ей рассказывают, она выбалтывает матери. Но свое мнение она высказывает откровенно, и я очень хорошо отношусь к ней, особенно в последнее время.

Нанни ван Праах-Сихаар – забавная, маленькая, умная девочка. Мне она нравится. Она довольно хорошенькая. Многого о ней не скажешь.

Эфье де Йонг, по-моему, просто неподражаема. Ей только исполнилось двенадцать, но она настоящая дама. Со мной она ведет себя так, будто я младенец. Еще она всегда готова помочь, и поэтому она мне нравится.

Х. З. – самая красивая девочка в нашем классе. У нее милое лицо, но на уроках она довольно тупа. Я думаю, что ее оставят на второй год, но об этом я ей, конечно, не говорю.

(ДОБАВЛЕНИЕ)

Х. З., к моему великому удивлению, не оставили на второй год.

И в завершение рассказа о наших двенадцати девочках – сиюю я с Х. З.

О мальчиках говорить можно много, но все равно будет мало.

Морис Костер – один из многих моих поклонников, но довольно занудный парень.

Салли Спрингер – невероятный пошляк, и идет слух, что он с кем-то спарился. И все-таки он мне кажется чудесным парнем, потому что он ужасно смешной.

Эмиль Боневит – поклонник Х. З., хотя ее это не очень волнует. Он довольно скучный.

Роб Коэн тоже был влюблен в меня, но теперь я больше не могу его выносить. Это лицемерный, лживый, плаксивый, странный и скучный мальчишка, ужасно много из себя строит.

Макс ван де Велде из крестьянской семьи в Медемблике, но он, как сказала бы Марго, вполне подходящий.

Херман Коопман тоже ужасно пошлый, как и Йопи де Беер – страшный ухажер и бабник.

Лео Блом – закадычный друг Йопи де Беера и перенял от него пошлые привычки.

Альберт де Мескита перешел из школы Монтессори номер шесть и перескочил через один класс. Ужасно умный.

Лео Слахер тоже перешел к нам из этой школы, но он не такой умный.

Рю Стоппелмон, маленький и странный мальчишка из Алмело, перевелся позже в нашу школу.

К. Н. делает все, чего делать нельзя.

Жак Кокерноот сидит позади нас вместе с Пам, и мы просто умираем со смеху (Х. и я).

Харри Схаап самый приличный мальчик у нас в классе, он вполне приятный.

О Вернере Йозефе можно было бы сказать то же самое, но он большой тихоня и потому кажется скучным.

Сам Саломон этакий хулиган с задворок, противный парень. (Поклонник!)

Апи Рим довольно религиозный, но тоже дрянь.

На этом я заканчиваю. В следующий раз у меня будет так много чего написать тебе, значит, я так много расскажу тебе. Пока, ты такой чудесный!

СУББОТА, 20 ИЮНЯ 1942 г.

Для девочки вроде меня такое непривычное чувство – вести дневник! И не только потому, что я раньше никогда не писала. Мне кажется, что позже ни мне самой, ни кому-нибудь другому не будут интересны признания тринадцатилетней школьницы. Но на самом деле это не так важно, просто мне хочется писать, и больше того – высказать откровенно и абсолютно все, что у меня на душе.

«Бумага терпеливее людей». Эта поговорка вспомнилась мне в один из грустных дней, когда я сидела, уронив голову на руки, и от вялости не могла решить – то ли пойти гулять, то ли остаться дома, и в конце концов так и просидела в раздумьях на одном месте. Действительно, бумага все стерпит, и так как я никому не собираюсь показывать эту тетрадь в картонном переплете, которая носит высокопарное название «дневник», – разве что в моей жизни появится когда-нибудь друг или подруга и станет настоящим другом или подругой, – то кому какое дело.

Вот я и подошла к самому главному, откуда взялась у меня сама идея вести дневник: у меня нет настоящей подруги. Чтобы было совсем понятно, это надо бы объяснить, ведь никто не поймет, что тринадцатилетняя девочка совершенно одинока на всем белом свете. Конечно, это неправда. У меня милые родители и шестнадцатилетняя сестра, в общей сложности у меня наберется не менее тридцати знакомых и так называемых подружек. У меня уйма поклонников, они глаз с меня не сводят, а на уроках, когда ничего другого не остается, стараются поймать мой взгляд в осколке зеркальца. У меня есть родственники, милые тетушки и хороший дом. Посмотреть со стороны – чего мне еще не хватает, кроме настоящей подруги. Со всеми моими знакомыми только и можно, что дурачиться, я с ними никогда ни о чем, кроме как о пустяках, поговорить не могу. Откровенность с ними невозможна, вот что главное. Может быть, что-то во мне самой мешает мне быть откровенной с другими, но факт остается фактом, и, к сожалению, тут ничего не поделаешь. Вот потому и дневник.

Но для того чтобы у меня перед глазами была настоящая подруга, о которой я так давно мечтаю, я не буду, как делают все, записывать в дневник разные факты; я хочу, чтобы эта тетрадь сама стала мне подругой, и эту подругу я буду звать *Kimmi*.

История моей жизни! (Идиотка, как я могла это забыть.) Никто ничего не поймет, если вдруг ни с того ни с сего начать переписку с Китти, поэтому расскажу вкратце свою биографию, хотя и без удовольствия.

Мой папа, самый изумительный из всех отцов, которых я когда-либо встречала, женился, когда ему уже было 36 лет, на моей маме, которой было тогда 25. Моя сестра Марго родилась в 1926 году во Франкфурте-на-Майне в Германии. 12 июня 1929 года появилась я. До четырех лет я жила во Франкфурте. Мы чистокровные евреи, поэтому мой отец в 1933 году уехал в Голландию. Он стал директором голландского акционерного общества по производству джема – «Опекта». Моя мама, Эдит Франк-Холлендер, в сентябре тоже уехала в Голландию, а Марго и я уехали в Ахен, где жила наша бабушка. В декабре Марго поехала в Голландию, а меня привезли в феврале и поставили на стол, как подарок ко дню рождения Марго. Вскоре я пошла в детский сад при школе Монтессори номер шесть. Там я оставалась до шести лет, потом пошла в первый класс. В шестом классе я попала к директрисе мефрау Куперус. В конце учебного года мы очень трогательно простились и обе плакали, потому что мне пришлось перейти в Еврейский лицей, где уже училась Марго.

В нашей жизни было довольно много тревог, так как наших родственников, оставшихся в Германии, не миновали законы Гитлера против евреев. После погромов 1938 года два моих дяди, мамины братья, бежали и благополучно прибыли в Северную Америку, а моя старая бабушка приехала к нам. Ей тогда было семьдесят три года.

После мая сорокового года пришел конец хорошим временам: сначала война, потом капитуляция, вторжение немцев, и для нас, евреев, начались мучения. Законы против евреев последовали один за другим, и нашу свободу резко ограничили. Евреи должны носить желтую звезду; евреи должны сдать велосипеды; евреям нельзя ездить в трамвае; евреям нельзя ездить в автомобилях, даже в частных; евреям можно делать покупки только от трех до пяти; евреям разрешено ходить только к еврейскому парикмахеру; евреям после восьми вечера и до шести часов утра нельзя выходить на улицу; евреям нельзя появляться ни в театрах, ни в кино, ни в каких других местах для развлечений; евреям нельзя ходить ни в бассейн, ни на теннисный корт, ни на хоккейное поле, ни на другие спортплощадки; евреям нельзя заниматься греблей, евреям вообще нельзя заниматься никаким спортом в общественных местах; после восьми вечера евреям нельзя сидеть ни в своем саду, ни в саду своих знакомых; евреям нельзя ходить в гости к христианам; еврейские дети должны ходить в еврейские школы, и прочая, и прочая. Так продолжалось наше житье-бытье, и нам запрещали то одно, то другое. Жак всегда говорит мне: «Боюсь за что-нибудь братья: а вдруг это запрещено?»

Летом 1941-го бабушка тяжело заболела. Ей должны были сделать операцию, и мой день рождения не особенно удался. Летом 1940-го тоже, ведь тогда только что кончилась война в Голландии. Бабушка умерла в январе 1942-го. Никто не знает, как много я думаю о ней и как люблю ее до сих пор. Этот день рождения в 1942-м мы отпраздновали, чтобы восполнить все предыдущие, и свечка бабушки стояла рядом с другими.

С нами четверыми пока что все хорошо, и таким образом я подошла к сегодняшнему дню и числу, которыми начинается торжественное открытие моего дневника, 20 июня 1942 года.

СУББОТА, 20 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Сразу приступаю к делу; сейчас все тихо и спокойно, мама с папой ушли, а Марго с какими-то ребятами пошла играть в пинг-понг к своей подруге Трес. Я тоже в последнее время ужасно много играю в пинг-понг, так много, что мы с пятью девочками даже основали клуб. Клуб называется «Малая Медведица минус две». Ужасно странное название, но это из-за одной ошибки. Мы хотели дать клубу необычное название и решили, поскольку нас

пятеро, назвать его «Созвездием Малой Медведицы». Мы думали, что оно состоит из пяти звезд, но ошиблись, оно, как и Большая Медведица, состоит из семи. Вот поэтому «минус две». У Ильзы Вагнер есть пинг-понг, и большая столовая Вагнеров всегда в нашем распоряжении. Так как мы, пятеро пингпонгистов, ужасно любим мороженое, особенно летом, и от игры нам становится жарко, то каждая игра обычно кончается походом в один из ближайших магазинчиков с мороженым, куда можно ходить евреям, – «Оазис» или «Дельфи». Мы уже совсем не заботимся, есть у нас деньги или нет, потому что в «Оазисе» всегда полно народу и среди всех этих людей непременно найдется какой-нибудь щедрый господин из обширного круга наших знакомых либо тот или другой наш поклонник, которые предлагают нам столько мороженого, сколько и за неделю не съесть.

Я думаю, ты немного удивишься, что я в мои годы уже говорю о поклонниках. К сожалению, или в некоторых случаях, наоборот, вовсе не к сожалению, в нашей школе это, похоже, неизбежное зло. Как только кто-нибудь из мальчиков спрашивает, можно ли ему проводить меня домой на велосипеде, и заводит со мной разговор, то в девяти случаях из десяти я могу быть уверена, что вышеупомянутый юнец имеет дурную привычку сразу влюбляться по уши и не отстанет от меня ни на шаг. Постепенно он остывает, особенно если я не обращаю внимания на его пылкие взгляды и весело кручу педали. Иногда, когда мне это надоест, я нарочно вихляю рулем, мой портфель падает, и молодой человек из приличия должен соскочить и поднять его, и, пока он поднесет портфель, я успеваю сменить тему разговора. Это еще самые безобидные, а бывают, конечно, и такие, которые посылают воздушные поцелуи или пытаются схватить за руку, но тогда уж точно не на ту напали: я слезаю с велосипеда и отказываюсь больше находиться в его обществе или принимаю обиженный вид и говорю ему в самых сильных выражениях, чтобы он убирался домой.

Ну вот, фундамент нашей дружбы заложен, до завтра.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 21 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Весь наш класс трясется от страха. Конечно, по поводу приближающегося педсовета. Полкласса держит пари: кого переведут, кто останется на второй год. Х. З. и я хохочем до слез над двумя мальчиками, что сидят на парте за нами, К. Н. и Жаком Кокерноотом, которые проспорили весь капитал, заработанный на каникулах: «Переведут – нет, оставят – нет, переведут...» – и так с утра до вечера, даже взгляды Х., умоляющие замолчать, и мои сердитые выпады не могут успокоить этих двоих. По-моему, оставят на второй год четверть класса, такие это болваны, но учителя – самые капризные люди в мире, может быть, на этот раз, как исключение, их капризность нам на руку.

Я не очень-то боюсь за себя и своих подруг, с нами все обойдется. Я только не уверена в математике. Ну что ж, подождем. Пока мы подбадриваем друг друга. У меня со всеми учителями и учительницами отношения довольно хорошие. У нас их девять – семеро мужчин и две женщины. Менеер Кеесинг, корифей-математик, одно время на меня ужасно злился, потому что я так много болтаю. Одно замечание следовало за другим, а потом он задал мне в наказание работу – сочинение на тему «Болтуня». «Болтуня»... Ну что тут напишешь. Но пока я не стала ломать голову, записала задание в записную книжку, сунула в сумку и попробовала молчать.

Вечером, когда все уроки были сделаны, я заметила запись о сочинении. Грызла авторучку и обдумывала эту тему. Просто написать что попало и как можно шире разбросать строчки может каждый. А вот найти неоспоримые доказательства в пользу болтовни – вот в чем искусство. Я думала, думала, и вдруг меня осенило; я исписала заданные три страницы и осталась довольна. Я доказывала, что болтовня присуща женщинам и что я, конечно,

постараюсь немного сдержаться, но, наверно, никогда не отучусь, потому что моя мама говорит не меньше меня, если не больше, а против наследственности бороться почти бесполезно.

Менеер Кеесинг очень смеялся над моими доводами, но, когда на следующем его уроке я опять стала болтать, он задал мне второе сочинение. На этот раз оно называлось «Неисправимая болтуня». Я и это ему написала, и на двух уроках Кеесингу не на что было пожаловаться. А на третьем моя болтовня опять вывела его из себя. «Анна Франк, в наказание за болтовню сочинение на тему «Кря-кря-кря», – сказала юфффрау Утка!»

Класс заливался хохотом. Я тоже волей-неволей смеялась вместе со всеми, хотя мои изыскательские способности в области болтовни были исчерпаны. Надо было найти что-нибудь новое, очень оригинальное. Моя подруга Санна, замечательная поэтесса, предложила свою помощь – написать сочинение с начала до конца в стихах. Я была в восторге. Кеесинг хотел осмеять меня этим дурацким сочинением, но я своим стихотворением высмею его втройне.

Стихи получились потрясающие! Там было про маму-утку, папу-лебедя и про трех утят, которых папа заклевал насмерть за то, что они слишком много кричали. К счастью, Кеесингу шутка пришлась по душе, он прочел стихи с комментарием в нашем классе и еще в других классах. С тех пор я могу болтать сколько влезет и никаких штрафных работ, наоборот, Кеесинг теперь всегда отпускает шутки.

Твоя Анна

СРЕДА, 24 ИЮНЯ 1942 г.

Милая Китти!

Невыносимо жарко, все отдуваются, пыхтят, и в этом пекле мне надо всюду успеть пешком. Только теперь я оценила, какая все же хорошая штука трамвай, особенно с открытыми вагонами, но это теперь запретный плод для нас, евреев, нам только и остается, что бегать на своих двоих. Вчера мне надо было на большой перемене к зубному врачу на Ян-Люкенстраат. Это далеко от нашей школы, на Стадстиммертунен. Поэтому в школе я днем чуть не заснула. К счастью, люди сами предлагали мне что-нибудь попить. Ассистентка у зубного врача на самом деле очень сердечный человек.

Единственное, чем мы еще можем пользоваться, – это паром. Паромщик на Йозеф-Израэльскаде сразу взял нас, как только мы попросили нас переправить. Голландцы, безусловно, не виноваты, что нам, евреям, так скверно. Если бы только не ходить в школу, на Пасху украли мой велосипед, а мамин велосипед папа отдал на хранение знакомым христианам. Но к счастью, каникулы приближаются быстрыми шагами, еще неделя – и конец мучениям.

Вчера утром случилось кое-что приятное. Я проходила мимо велосипедной стоянки, и тут меня кто-то окликнул. Я обернулась и увидела, что за мной стоит симпатичный парень, с которым я познакомилась накануне вечером у Вилмы. Он ее троюродный брат, а Вилма моя знакомая. Сначала она мне казалась очень милой. Так оно и есть, но она целый день говорит только о мальчиках и ни о чем другом, и это начинает надоедать. Парень подошел, немного стесняясь, и представился: Хелло Силберберх. Я слегка удивилась и не очень поняла, что ему нужно, но скоро все выяснилось. Он хотел составить мне компанию и проводить меня в школу. «Если тебе по дороге, пойдем», – ответила я, и мы пошли вместе. Хелло уже шестнадцать лет, и он очень мило рассказывает всякие истории.

Сегодня утром он опять ждал меня, и, наверно, теперь так и пойдет.

Анна

СРЕДА, 1 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

До сегодняшнего дня я совершенно не могла найти время, чтобы тебе написать. В четверг провела весь день у знакомых, в пятницу к нам пришли гости, и так – до сегодняшнего дня.

За эту неделю мы с Хелло познакомились ближе, он мне много рассказал о своей жизни. Он приехал из Гельзенкирхена и живет тут, в Голландии, без родителей, у дедушки и бабушки. Его родители живут в Бельгии, а ему поехать туда невозможно. У Хелло была девочка, Урсула. Я ее тоже знаю, она образец кротости и скуки. С тех пор как Хелло со мной познакомился, он понял, что с Урсулой ему скучно до одури. Так что я – своего рода противоснотворное, никогда не знаешь, на что согласишься!

В субботу у меня ночевала Жак. Днем она ушла к Ханнели, и я скучала смертельно.

Вечером Хелло должен был прийти ко мне, но около шести он позвонил. Я подошла к телефону, и он сказал:

– Говорит Хельмут Силберберх. Будьте добры, можно позвать Анну?

– Да, Хелло, это Анна.

– Привет, Анна. Как поживаешь?

– Спасибо, хорошо.

– Я хотел тебе сказать, что, к сожалению, сегодня не смогу прийти, но все же мне хотелось бы с тобой поговорить. Можно, я через десять минут подойду к твоему дому?

– Хорошо, ну пока!

– Пока, я сейчас буду.

Положив трубку, я скоренько переоделась и немножко поправила волосы. Потом в волнении высунулась из окна. Наконец он пришел. Чудо из чудес – я не помчалась по лестнице стремглав, а спокойно ждала, пока он позвонит. Я спустилась вниз, и он, не дав мне прийти в себя, выпалил:

– Слушай, Анна, моя бабушка считает, что ты еще слишком молода, чтобы с тобой встречаться. Она говорит, мне надо бывать у Лёвенбахов, но ты, наверное, знаешь, что я больше не встречаюсь с Урсулой.

– Почему, разве вы в ссоре?

– Нет, наоборот. Я сказал Урсуле, что мы все равно разные люди и поэтому нам лучше порвать отношения, но пусть она ходит к нам в гости, а я, надеюсь, буду бывать у них. Ведь я думал, что Урсула гуляет с другим мальчиком, и соответственно с ней обращался. Оказывается, это совершенно не так. И теперь мой дядя говорит, что я должен перед ней извиниться, но я, конечно, не хочу, и поэтому я с ней порвал, но это всего лишь одна из множества причин.

Моя бабушка хочет теперь, чтобы я бывал у Урсулы, а не у тебя, но я не хочу и не буду! У стариков бывают иногда страшно устарелые представления, но мне с ними считаться нечего. Конечно, я завишу от бабушки и дедушки, но в каком-то смысле и они нуждаются во мне. Вечерами по средам я теперь свободен, потому что дед с бабушкой думают, будто я хожу на уроки резьбы по дереву, а на самом деле я бываю в кружке сионистской партии. Мне ходить туда нельзя, потому что мои бабушка и дедушка очень против сионизма. Я тоже не фанатик этого дела, но мне интересно. Хотя в последнее время там какая-то неразбериха, и я думаю, что больше туда ходить не стану. В среду я туда пойду в последний раз. Значит, мы можем с тобой видеться по средам вечером, по субботам днем и вечером, в воскресенье днем и так далее.

– Но если твои бабушка и дед этого не хотят, то тебе не следует делать это за их спиной.

– Силой любить не заставишь.

Когда мы проходили мимо книжной лавки Бланкевоорт, там стоял Петер Схифф с двумя ребятами; в первый раз за долгое время он со мной поздоровался, и я страшно обрадовалась.

В понедельник вечером Хелло пришел к нам, чтобы познакомиться с моими родителями. Я купила торт, конфеты, чай и печенье, всякой всячины, но нам с Хелло было скучно вот так рядышком сидеть на стульях, мы ушли гулять, и только в десять минут девятого он проводил меня домой. Папа страшно сердился, ему вовсе не понравилось, что я вернулась поздно, пришлось пообещать, что в дальнейшем буду приходить домой без десяти восемь. В эту субботу меня пригласили к Хелло.

Вилма мне рассказала, что Хелло однажды вечером был у нее и она его спросила:

– Кто тебе больше нравится – Урсула или Анна?

Тогда он сказал:

– Не твое дело.

Но когда он уходил (они целый вечер больше не разговаривали друг с другом), он сказал:

– Конечно, Анна, ну, пока, – только ты никому не говори.

И – хоп, исчез за дверью.

По всему заметно, что Хелло теперь в меня влюблен, и для разнообразия мне это нравится. Марго сказала бы: «Хелло – очень подходящий парень», по-моему, тоже и даже больше. Мама от него в восторге. «Умный, вежливый и приятный мальчик». Я рада, что Хелло так понравился всему нашему семейству, но он совсем не понравился моим подругам, которых он считает совершенными детьми – и тут он прав. Жак вечно дразнит меня из-за Хелло; я вовсе не влюблена, о нет, но ведь могу же я иметь друзей, кому какое дело.

Мама все еще спрашивает, за кого бы я в будущем хотела выйти замуж, но я думаю, она бы ни за что не отгадала, что за Петера, потому что, когда речь заходит о нем, я не подаю вида. Я люблю Петера так, как еще никогда и никого не любила, и постоянно внушаю сама себе, что Петер гуляет со всеми этими девочками, только чтобы скрыть свои чувства. Возможно, ему теперь тоже кажется, что мы с Хелло влюблены друг в друга. Но это не так. Он просто один из моих дружков, или, как выражается мама, кавалер.

Твоя Анна

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 ИЮЛЯ 1942 г.

Дорогая Китти!

Годовой акт в пятницу в Еврейском театре прошел отлично, мой табель совсем не так плох, «неуд» только один, по алгебре – пять, остальные все семерки, две восьмерки и две шестерки³. Дома все довольны, но мои родители насчет отметок совсем не похожи на других родителей, им никогда не важно, плохие или хорошие у меня отметки, гораздо важнее, чтобы я была здоровая, веселая и не слишком грубила. Лишь бы эти три вещи были в порядке, остальное само приложится.

Но я наоборот, мне бы не хотелось быть плохой ученицей. В лицей меня приняли условно, потому что я в общем-то должна была остаться в 7-м классе школы Монтессори номер шесть, но, когда всем еврейским детям надо было переходить в еврейские школы, менеер Элте после недолгих переговоров принял меня и Лис Хослар условно. Лис тоже перевели, но с трудной переэкзаменовкой по геометрии.

Бедная Лис, дома ей почти невозможно заниматься как следует; в ее комнатке целый день играет ее маленькая сестренка, избалованный ребенок примерно двух лет. Габи орет, пока не добьется своего, и если Лис тогда с ней не займется, то орет мефрау Хослар. Таким образом Лис невозможно как следует заниматься, и, хотя она все время берет дополнительные уроки, они тоже не очень-то помогают. Ну и порядок у Хосларов дома! Родители мефрау Хослар живут в соседнем подъезде, но едят тоже у них. Потом еще прислуга, младенец,

³ В голландских школах десятибалльная система.

менеер Хослар, всегда рассеянный и с отсутствующим видом, и мефрау, всегда нервная и раздраженная, и опять в положении. В этом «доме Яна Стеена»⁴ Лис, и без того неуклюжая, вовсе теряется. Моя сестра Марго тоже получила свой табель, как всегда блестящий. Если бы у нас давали награды «с отличием», она бы точно получила – такая умница!

Папа в последнее время много бывает дома, в конторе ему больше нечего делать. Ужасное чувство – вдруг оказаться лишним. Менеер Клейман принял от него «Опекту», а менеер Кюглер – «Хис и Ко», компанию по суррогатным специям, которая была основана только в 1941 году.

На днях, когда мы с папой гуляли в нашем скверике, он заговорил со мной об укрытии. Сказал, что нам будет очень тяжело жить совершенно отрезанными от мира. Я спросила, почему он об этом заговорил уже сейчас.

– Ты знаешь, Анна, – сказал он на это, – что мы уже больше года переносим к знакомым одежду, мебель и продукты. Мы не хотим оставить немцам наше имущество, а тем более попасться им в руки. Поэтому мы сами уйдем, не дожидаясь, пока нас заберут.

– Но, папа, когда же?

Мне стало страшно, такое серьезное лицо было у папы.

– Не волнуйся об этом, мы сами все устроим, наслаждайся беззаботной жизнью, пока это возможно.

И все. О, хоть бы не сбывались эти мрачные слова как можно дольше!

Только что позвонили, пришел Хелло, я заканчиваю.

Твоя Анна

СРЕДА, 8 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Между воскресным утром и сегодняшним днем как будто прошли целые годы. Столько всего случилось, как будто земля вдруг перевернулась, но, Китти, как видишь, я еще жива, а это, по словам папы, самое главное. Да, в самом деле, я живу, только не спрашивай как и где. Наверно, ты меня сегодня совсем не понимаешь, поэтому придется сначала рассказать тебе все, что произошло в воскресенье. В три часа (Хелло только что ушел и собирался еще вернуться) кто-то позвонил в дверь, я не слышала, потому что лениво загорала в шезлонге на веранде и читала. Чуть позже в дверях кухни показалась взволнованная Марго.

– Папе прислали повестку из СС, – шепнула она. – Мама уже пошла к менееру Ван Даану. (Ван Даан – хороший знакомый отца и его компаньон.)

Я страшно перепугалась. Повестка, каждый знает, что это значит. Концлагеря и камеры-одиночки тут же предстали передо мной, неужели мы позволим отправить туда папу?

– Конечно, он не пойдет, – заявила Марго, когда мы сидели с ней в комнате и ждали маму. – Мама пошла к Ван Даанам спросить, можем ли мы завтра уйти в наше укрытие. Ван Дааны тоже уйдут с нами. Тогда мы будем там всемером.

Тишина. Говорить мы больше не могли, мысль об отце, который, ничего не подозревая, пошел навестить кого-то в Еврейской богадельне, ожидание мамы, жара, напряжение – от всего этого мы совсем потеряли дар речи.

Вдруг снова звонок.

– Это Хелло, – сказала я.

– Не открывай, – удержала меня Марго, но предосторожность оказалась напрасной: мы услышали голоса мамы и менеера Ван Даана, они разговаривали внизу с Хелло, потом вошли в дом и заперли за собой двери. При каждом звонке Марго или я должны были теперь

⁴ Голландский художник XVII века, изображал на картинах домашний беспорядок.

прокрадываться вниз и смотреть, не папа ли это; других мы не впускали. Нас с Марго отослали из комнаты, Ван Даан хотел поговорить с мамой наедине.

Когда мы с Марго сидели в нашей спальне, она мне сказала, что повестка пришла не папе, а ей. Я снова испугалась и заплакала. Марго шестнадцать лет, значит, вот таких юных девушек они хотят высылать без родителей? Но к счастью, она от нас не уйдет, мама сама так сказала, и, наверно, папа тоже подготавливал меня именно к этому, когда говорил со мной об укрытии. Что за укрытие? Где мы спрячемся? В городе, в деревне, в каком-нибудь доме, в хижине – когда, как, где?.. Нельзя было задавать все эти вопросы, но они у меня постоянно вертелись в голове.

Мы с Марго стали укладывать самое необходимое в школьную сумку. Первым делом я взяла эту картонную тетрадь, потом бигуди, носовые платки, учебники, гребенку, старые письма. Я думала о том, как мы будем скрываться, и поэтому совала в сумку всякую ерунду, но мне не жалко: воспоминания дороже платьев.

В пять часов наконец вернулся папа, мы позвонили менееру Клейману и попросили его зайти вечером. Ван Даан пошел за Мип. Мип пришла, уложила башмаки, платья, куртки, белье и чулки в сумку и пообещала вечером опять зайти. Потом у нас в квартире стало тихо, никто из четверых не хотел есть, было по-прежнему жарко, и все было ужасно непривычно.

Нашу большую верхнюю комнату мы сдаем некоему менееру Гольдшмидту, мужчине в разводе, за тридцать, которому, видно, в этот вечер нечего было делать; поэтому он торчал у нас до десяти, и никак нельзя было его выжить.

В одиннадцать пришли Мип и Ян Хис. Мип с 1933 года работает у папы в фирме и стала близкой знакомой, как и ее новоиспеченный супруг Ян. В сумке Мип и в глубоких карманах Яна снова стали исчезать ботинки, чулки, книги и белье; в половине двенадцатого и сами они исчезли.

Я устала до полусмерти, и, хотя я знала, что последнюю ночь сплю в своей кровати, я тут же заснула, и в половине шестого утра меня разбудила мама. К счастью, было не так жарко, как в воскресенье. Весь день лил теплый дождь. Мы все четверо столько на себя надели теплого, будто собирались ночевать в холодильнике. Но нам надо было взять с собой как можно больше одежды. В нашем положении ни один еврей не отважился бы выйти из дома с чемоданом, полным одежды. На мне было две рубашки, трое штанов, платье, а сверху юбка, куртка, летнее пальто, две пары чулок, зимние ботинки, шапка, шарф и еще много всего, я уже дома чуть не задыхнулась, но всем было не до этого.

Марго набила портфель учебниками, взяла велосипед со стоянки и поехала вслед за Мип в неизвестную мне даль. Я ведь все еще не знала, где находится таинственное место нашего назначения.

В половине восьмого мы заперли за собой дверь; единственное существо, с которым мне пришлось проститься, была Моортъе, моя маленькая киса, которая должна была найти приют у соседей, просьба об этом была в записке, адресованной менееру Гольдшмидту.

Неубранные постели, остатки завтрака на столе, фунт мяса для кошки на кухне – все это производило впечатление, будто мы бежали, сломя голову. Но нам было безразлично, что скажут люди. Мы хотели уйти, только уйти и благополучно добраться до места, больше ничего. Завтра продолжу.

Твоя Анна

ЧЕТВЕРГ, 9 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Так мы шли под проливным дождем: папа, мама и я, у каждого портфель и хозяйственная сумка, до отказа набитые чем попало. Рабочие, которые рано ехали на работу, смотрели

на нас сочувственно; по их лицам было видно, как им жаль, что они не могут как-нибудь подвезти нас; желтая звезда бросалась всем в глаза и говорила сама за себя.

Только по дороге я мало-помалу узнала от родителей весь план укрытия. Уже много месяцев они переносили в безопасное место как можно больше нашей обстановки и одежды. Все было подготовлено, и шестнадцатого июля мы должны были скрыться. Но из-за этой повестки пришлось план укрытия осуществить на десять дней раньше, и надо было мириться с тем, что помещение еще не совсем подготовлено.

Само Убежище находится в папиной конторе. Посторонним это понять трудновато, поэтому я объясню подробнее. У папы немного служащих: менеер Кюглер, Клейман и Мип, потом еще Беп Фоскёйл, двадцатитрехлетняя стенографистка. Все они знали о нашем приходе. Менееру Фоскёйлу, отцу Беп, и еще двум работникам склада мы ничего не сказали.

План дома такой: в первом этаже большой склад, он же пакгауз. Он, в свою очередь, разделен на различные помещения, как, например, комната, где размалывают корицу, гвоздику, суррогат перца, и кладовка. Рядом с дверью на склад обычная входная дверь дома, которая через еще одну проходную дверь ведет на лестницу. Если по ней подняться, то окажешься перед дверью с матовым стеклом, на котором когда-то черными буквами было написано: «Контора». Это большая передняя контора, очень большая, очень светлая, вся заполненная вещами. Днем там работают Беп, Мип и менеер Клейман. Через кабинетик с несгораемым шкафом, гардеробом и большим шкафом с припасамиходишь в маленькую, душную, темноватую заднюю комнатку, где раньше сидели менеер Кюглер и менеер Ван Даан, а теперь остался только первый. Из коридора тоже есть вход прямо в контору Кюглера, но только через стеклянную дверь, которую можно открыть изнутри, а снаружи только ключом. Из конторы Кюглера по длинному узкому коридору вдоль закутка, где хранится уголь, поднимаешься на четыре ступеньки иходишь в гордость всего здания – директорский кабинет. Там темная, солидная мебель, линолеум и ковры на полу, радиоприемник, роскошная лампа – словом, шикарно! Рядом большая вместительная кухня с титаном, двумя газовыми плитами, а дальше уборная. Это все во втором этаже. Из нижнего коридора обычная деревянная лестница ведет наверх. Наверху маленькая площадка. Направо и налево от нее двери. Левая ведет в переднюю часть дома с помещениями пакгауза, с передней мансардой и передним чердаком. На другой стороне здания от передней части дома – еще одна длинная, ужасно крутая, настоящая голландская лестница, на которой ноги можно сломать, ведет ко второму выходу на улицу.

Справа от площадки находится «Задний Дом». Никто бы не подумал, что за этой простой, выкрашенной серой краской дверью скрывается столько комнат. Перед дверью ступенька, и ты там. Сразу против этого входа крутая лесенка. Налево маленький коридорчик и комната, которая должна служить гостиной и спальней семье Франк, а рядом есть еще одна, поменьше: это спальня и классная комната барышень Франк. Направо от лестницы комнатка без окон, с умывальником и отдельной уборной. Из комнатки есть дверь в нашу с Марго спальню. Когда поднимаешься по лестнице и открываешь дверь наверху, то просто удивляешься, что в таком старом доме на канале вдруг обнаруживается такая большая, светлая и просторная комната. В этой комнате стоит плита (благодаря тому, что раньше здесь находилась лаборатория Кюглера) и стол для мойки посуды. Значит, тут будет кухня и одновременно спальня супругов Ван Даан, общая гостиная, столовая и кабинет. Крошечная проходная каморка будет апартаментами Петера Ван Даана. Там есть еще мансарда и чердак, как и в передней части дома. Видишь, вот я и описала тебе весь наш чудесный Задний Дом!

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 10 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Очень может быть, я тебе ужасно надоела длинными описаниями нашего жилья. Но должна же ты знать, где я приземлилась! Как я приземлилась, ты узнаешь из всех моих следующих писем.

Сначала продолжение моего рассказа, потому что, как ты знаешь, я еще не все рассказала. Когда мы пришли на Принсенхрахт, 263, Мип тут же увела нас по длинному коридору, по деревянной лестнице, прямо наверх, в Задний Дом. Она заперла за нами двери, и мы остались одни. Марго приехала на велосипеде намного раньше и уже ждала нас. Наша гостиная, да и все остальные комнаты были так заполнены барахлом – описать невозможно! Все картонные коробки, которые в предыдущие месяцы присылались в контору, стояли на полу и на кроватях. Маленькая комната была до потолка завалена постельным бельем. Надо было сразу взяться за уборку, если мы хотели вечером лечь спать в более или менее постланные постели. Мама и Марго не могли и пальцем пошевелить. Они лежали на голых кроватях, уставшие, истомившиеся и Бог знает какие еще, но мы с папой, главные «уборщики» в семействе, хотели тут же приступить к делу.

Мы целый день распаковывали коробки, раскладывали по полкам, стучали молотком и убирались до тех пор, пока вечером, смертельно усталые, не упали в чистые постели. Весь день мы не ели горячего, но нам это было все равно. Мама и Марго были слишком усталые и издерганные, чтобы есть, а у нас с папой было слишком много работы. Во вторник с утра мы начали с того, чего не закончили в понедельник. Беп и Мип купили продукты по нашим карточкам, папа наладил затемнение, где его было недостаточно, мы оттирали пол на кухне и снова работали с утра до вечера. До среды у меня даже почти времени не было, чтобы подумать об огромном перевороте, который произошел в моей жизни. И только в среду, впервые после нашего прихода в Убежище, я нашла возможность сообщить тебе все и в то же время хорошенько осознать, что со мной произошло и что еще может произойти.

Твоя Анна

СУББОТА, 11 ИЮЛЯ 1942 г.

Милая Китти!

Папа, мама и Марго все еще не могут привыкнуть к звону колокола с Вестерторен, который каждые четверть часа сообщает, сколько сейчас времени. А я – да, мне сразу очень понравилось, особенно ночью, это меня как-то успокаивает. Наверно, тебе очень хочется знать, нравится ли мне в нашем Убежище. Честно говоря, сама еще не знаю. Мне кажется, я никогда не буду чувствовать себя тут как дома, но этим я вовсе не хочу сказать, что мне здесь жутко, скорее всего, мне кажется, что я попала в какой-то очень своеобразный пансион на каникулы. Довольно странный взгляд на Убежище, но ничего не поделаешь. Задний Дом – идеальное место для укрытия, хотя тут сыро и стены косые, все-таки во всем Амстердаме, да, пожалуй, и во всей Голландии тем, кто хочет скрыться, не соорудить более удобного тайника.

До сих пор наша комнатка с пустыми стенами выглядела совсем голой. К счастью, папа еще заранее захватил всю мою коллекцию открыток и кинозвезд, и я при помощи клея и кисточки всю стену комнаты превратила в картинку, так что внешний вид стал намного веселее, а когда придут Ван Дааны, мы сделаем из досок, которые лежат на чердаке, стенные шкафчики и другие милые вещички. Марго и мама снова немного пришли в себя. Вчера мама впервые решила варить гороховый суп, но, пока она разговаривала внизу, забыла про суп, который начисто сгорел; горох совершенно обуглился, и его нельзя было отодрать от кастрюли.

Вчера вечером мы вчетвером спустились в кабинет директора и включили английскую радиопередачу. Я страшно боялась, что кто-нибудь может нас услышать, и просто умоляла папу вернуться со мной наверх. Мама поняла мой страх и поднялась со мной. Вообще мы очень беспокоимся, как бы нас не услышали или не увидели соседи. В первый же день мы

сшили занавески, собственно говоря, это нельзя назвать занавесками, это просто несколько отдельных непривлекательных лоскутьев разной формы, качества и узоров, которые мы с папой ужасно непрофессионально криво сшили. Эти роскошные гардины прикрепили кнопками к оконным рамам, и, пока мы тут, их снимать не будут.

Справа от нашего дома находится филиал фирмы из Заандама, «Кех», слева – мебельная мастерская, значит, эти люди уходят по окончании рабочего дня, однако шум все же может туда проникнуть. Поэтому мы запретили Марго кашлять ночью, хотя она страшно простудилась, и даем ей огромное количество кодеина.

Я ужасно радуюсь прибытию Ван Даанов, которое намечено на вторник. Станет намного уютнее и не так тихо. Именно от тишины я очень нервничаю по вечерам и ночью, я бы отдала что угодно, лишь бы у нас ночевал кто-нибудь из наших защитников. Здесь вовсе не так ужасно, потому что нам можно тут самим готовить, а внизу в папочкиной конторе слушать радио. Менеер Клейман, и Мип, и Беп Фоскёйл тоже, они так нам помогли! Мы уже ели ремень, клубнику и вишни, и я не думаю, что мы здесь в первое время будем скучать. У нас также есть и что почитать, и мы еще купим множество настольных игр. Конечно, ни ходить на улицу, ни смотреть в окно нам вовсе нельзя. А также мы должны вести себя очень тихо, чтобы внизу нас не слышали.

Вчера у нас было много работы, надо было очистить от косточек две корзины вишен, для конторы. Менеер Кюглер хотел законсервировать вишни. Из ящиков из-под вишен мы сделали полки для книг.

Только что меня позвали.

Твоя Анна

28 СЕНТЯБРЯ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

То, что нам вообще нельзя выходить на улицу, угнетает меня больше, чем я могу выразить, и я ужасно боюсь, что нас могут обнаружить и расстрелять. Это, конечно, не очень приятная перспектива.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 12 ИЮЛЯ 1942 г.

В этот же день, месяц назад, они все были такие милые со мной, потому что у меня был день рождения, но теперь я с каждым днем все больше чувствую, как я отдаляюсь от мамы и Марго. Сегодня я много работала, и все меня безумно хвалили, а через пять минут они снова меня ругают.

Ясно видно разницу, как они обращаются с Марго и как – со мной. Марго, например, сломала пылесос, и поэтому у нас целый день нет света. Мама сказала: «Aber, Margot, man sieht, daß du keine Arbeit gewohnt bist, sonst hättest du gewußt, daß man einen Staubsauger nicht an der Schnur rauszieht»⁵. Марго что-то ответила, и на этом история закончилась.

Но сегодня днем я хотела что-то переписать из маминого списка продуктов, так как почерк у мамы ужасно неразборчивый, но она этого не хотела, и я тут же снова получила строгий выговор, в чем приняла участие вся семья.

Я не подхожу им, и я это отчетливо вижу, особенно последнее время. Они так сентиментальничают друг с другом, а я предпочитаю давать волю чувствам, когда я одна. И потом они еще говорят, что нам так хорошо вчетвером и что мы так гармонично подходим друг к другу, а то, что я это совсем по-другому чувствую, об этом они ни на миг не задумываются.

Один только папа иногда меня понимает, но чаще всего он на стороне мамы и Марго. А еще я терпеть не могу, когда они при посторонних рассказывают о том, как я плакала и какая я разумная, мне это кажется ужасным, а иной раз они говорят о Моортье, и этого я

⁵ Но, Марго, видно, что ты не привыкла ни к какой работе, иначе ты бы знала, что пылесос не выдергивают за шнур (нем.).

совсем не могу вытерпеть, так как это мое уязвимое и слабое место. По Моортъе я тоскую каждую минуту, и никто не знает, как много я о ней думаю. Каждый раз, как я думаю о ней, глаза мои наполняются слезами. Моортъе такая милая, и я ее так люблю, и я даже строю в мечтах планы, чтобы она снова вернулась.

Мне здесь всегда так прекрасно мечтается, но реальность такова, что мы должны находиться здесь, пока не кончится война. Нам нельзя никогда выходить на улицу, и приходиться к нам могут только Мип, ее муж Ян, Беп Фоскёйл, менеер Фоскёйл, менеер Кюглер, менеер Клейман и мефрау Клейман, но она не приходит, потому что считает это слишком опасным.

СЕНТЯБРЬ 1942 г. (ДОБАВЛЕНИЕ)

Папочка всегда такой милый. Он понимает меня абсолютно, и я хотела бы хоть раз поговорить с ним откровенно, только бы не залиться сразу слезами. Но, говорят, это из-за моего возраста. Я хотела бы все время писать, но тогда будет уж слишком скучно.

До сих пор я записывала в мою тетрадь в основном одни мысли, а до интересных рассказов, которые я потом смогла бы кому-то прочесть, так и не дошла. Но в дальнейшем я лучше не буду или буду меньше изливать свои чувства и больше придерживаться действительности.

ПЯТНИЦА, 14 АВГУСТА 1942 г.

Дорогая Китти!

Я тебя покинула на целый месяц, но у нас не так много нового, чтобы рассказывать каждый день что-нибудь интересное. 13 июля пришли Ван Дааны. Мы думали, что это будет четырнадцатого, но, так как немцы между 13 и 16 июля все больше и больше допекали людей, слали повсюду повестки, Ван Дааны решили, что безопаснее прийти на день раньше, чем на день позже.

Утром, в половине десятого (мы еще завтракали), пришел Петер Ван Даан, довольно скучный и застенчивый дылда, которому еще нет шестнадцати и чье общество не много обещает. Через полчаса явились мефрау и менеер Ван Даан, она, к нашему всеобщему восторгу, с большим ночным горшком в шляпной коробке. «Без горшка я нигде не чувствую себя дома», – объяснила она, и горшок был первым предметом, который нашел себе место под диваном-кроватью. Менеер не принес горшка, но зато под мышкой – складной чайный столик.

В первый день нашего совместного существования мы дружно ели вместе, и через три дня у нас было такое чувство, как будто мы стали одной большой семьей. Само собой разумеется, у Ван Даанов было еще много чего рассказать о той неделе, которую они после нас провели на земле обетованной. Кроме всего остального, нам было особенно интересно узнать, что случилось с нашей квартирой и с менеером Гольдшмидтом.

Менеер Ван Даан рассказал: «В понедельник в девять часов утра нам позвонил менеер Гольдшмидт и спросил, могу ли я ненадолго зайти. Я тотчас пошел и застал его в сильном возбуждении. Он показал мне записку, которую оставила семья Франк, и собирался, следуя предписанию в ней, отнести кошку соседям, с чем я вполне согласился. Он боялся обыска, и поэтому мы прошлись по всем комнатам, немного прибрались и убрали со стола. Вдруг я обнаружил на письменном столе мефрау Франк блокнот, в котором был записан адрес в Маастрихте. Хотя я знал, что мефрау оставила это умышленно, я сделал вид, что ужасно удивлен и испуган, и стал умолять менеера Гольдшмидта непременно сжечь этот несчастный листок. Я все время старательно показывал, что ничего не знаю о вашем исчезновении, но, после того как я увидел эту бумажку, мне в голову пришла хорошая идея. «Менеер Гольдшмидт, – сказал я, – теперь я вдруг сообразил, что может означать этот адрес. Я припоминаю, что примерно полгода назад к нам в контору приходил один высокопоставленный офицер, как оказалось, близкий друг детства менеера Франка, который обещал помочь ему в случае

нужды и точно жил в Маастрихте. Я думаю, этот офицер сдержал слово и тем или другим способом переправит менеера Франка в Бельгию, а оттуда в Швейцарию. Рассказывайте это знакомым в том случае, если кто-то из них будет у вас спрашивать о Франках. Конечно, лучше не упоминать Маастрихт». С этим я ушел. Теперь большинство знакомых уже в курсе дела, потому что мне передавали эту версию много раз». Мы были в восторге от этой истории, но еще больше хохотали над силой воображения людей, когда менеер Ван Даан рассказывал о наших знакомых. Например, одна семья с Мерведеплейн видела нас всех четверых рано утром, проезжающих мимо на велосипедах, а другая дама утверждала, что сама видела, как нас глубокой ночью увозила военная машина.

Твоя Анна

ПЯТНИЦА, 21 АВГУСТА 1942 г.

Дорогая Китти!

Наше укрытие только теперь стало настоящим тайником. Менеер Кюглер решил, что будет лучше перед нашей входной дверью поместить шкаф (потому что сейчас много обысков – ищут велосипеды), но, конечно, подвижной шкаф, который открывался бы как дверь. Менеер Фоскёйл соорудил эту штуку. (Мы поведали менееру Фоскёйлу о семерых скрывающихся, и он готов помогать во всем.)

Теперь, когда спускаешься вниз, нужно сначала нагнуться, а потом прыгнуть, так как ступенька снята. Через три дня мы все набили страшные шишки на лбу, потому что все стукались головой о низкую притолоку. Потом Петер сделал ее как можно мягче, прибив к ней тряпку, набитую древесной ватой. Посмотрим, поможет ли!

Учусь я немного, до сентября я сама себя отпустила на каникулы. Потом папа собирается давать мне уроки, но для этого надо сначала купить новые учебники.

Жизнь тут однообразная. Сегодня Петер помыл голову, но в этом нет ничего особенного. Мы с менеером Ван Дааном постоянно ссоримся. Мама обращается со мной, как с маленькой, а я этого не выношу. В остальном стало как будто лучше. Петер мне все еще не нравится, он противный парень, весь день валяется на кровати, иногда что-то мастерит, а потом опять спит. Такой тьюфак!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.